

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

ВЕТЛУЖСКАГО КРАЯ

макарьевскаго уѣзда.

Что городъ, то поровъ.

Что народъ, то обычай.

Поговорка.

Всѣ народы имѣютъ свои обычаи, и каждый дорожитъ этими обычаями. Въ нихъ онъ видитъ свое *родное*, которое такъ отрадно и такъ дорого для него. Здѣсь цивилизація не рѣдко подаетъ руку невѣжеству, и просвѣщенный европеецъ имѣетъ нѣчто общее съ дикимъ обитателемъ острововъ Фиджи и Таити, хотя между ними и не можетъ быть никакого согласія въ воззрѣніяхъ на свои обычаи.

Обычаи, подъ вліяніемъ цивилизаціи, постепенно облагораживаются, видоизмѣняются, наконецъ совершенно утрачиваютъ свой первоначальный видъ. Нашъ русскій народъ не менѣе другихъ европейскихъ народовъ имѣетъ своихъ *собственныхъ* обычаевъ, которые, переходя у него изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, имѣютъ громадное вліяніе и на его отличительный укладъ жизни. Всмотриваясь ближе въ этотъ укладъ жизни русскаго народа, мы увидимъ большое разнообразіе въ его обычаяхъ, чему главнымъ образомъ способствовали разныя историческія, физическія и интеллектуальныя силы его бытовой жизни. Такъ малоруссъ, въ своей бытовой жизни, существенно отличается отъ великорусса, бѣлоруссъ отъ жителя Мурмана и т. д., не говоря уже о разныхъ кочующихъ и осѣдлыхъ стенихъ обитателяхъ нашего обширнаго государства. Слѣдя далѣе за развитіемъ бытовой жизни русскаго народа, мы

увидимъ, что ярославецъ во многомъ отличается отъ рязанца, вологодецъ отъ харьковца, новгородецъ отъ тамбовца и т. д. Наконецъ перейдя въ болѣе тѣсную область одной какой либо губерніи, мы увидимъ, что и тутъ одинъ уѣздъ имѣетъ много отличнаго отъ другого уѣзда. Арзамасецъ держится своихъ обычаевъ, балахонецъ — своихъ; что нравится ардамовцу, то кажется смѣшнымъ семеновцу, и на-оборотъ. Даже одинъ уѣздъ нерѣдко разнообразится въ обычаяхъ своей бытовой жизни. Такое разнообразіе въ обычаяхъ, между прочимъ, замѣтно и въ макаръевскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи. Житель нагорной стороны этаго уѣзда держится своихъ обычаевъ, житель луговой стороны — своихъ, а житель Приветлужскаго Края почти ничего не имѣетъ общаго и съ тѣмъ и другимъ своимъ сосѣдомъ. Отдѣленный отъ остального міра большимъ пространствомъ лѣса, онъ крѣпко держится своихъ собственныхъ обычаевъ, завѣщанныхъ ему отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и съ дѣтски наивною любовію относится ко всѣмъ этимъ своимъ обычаямъ. Но едва-ли не болѣе всего замѣтно разнообразіе въ свадебныхъ обычаяхъ нашего народа. По существу своему этотъ актъ жизни настолько важенъ, что народъ не могъ не обставить его разными обычаями, особенно имѣя въ виду тѣхъ вѣдуновъ и колдуновъ, которые всегда появлялись тамъ, гдѣ ихъ не спрашивали, и своимъ появленіемъ наводили ужасъ, какъ на новобрачныхъ, такъ и на всѣхъ поѣзжанъ, начиная съ „тысяцкаго“ и оканчивая „лагунникомъ“. По долгу своего бывшего пастырскаго служенія, мнѣ не рѣдко доводилось наблюдать за свадебными обычаями жителей Ветлужскаго Края макаръевского уѣзда, и я рѣшился взять на себя скромную задачу описать эти обычаи.

Насколько я успѣлъ выполнить эту свою задачу, судить, конечно, не мнѣ. Но „не мудрствуя лукаво“, скажу, что буду весьма доволенъ, если по сосѣдству со мной найдется другой наблюдатель народной жизни этаго края, который, задавшись тою-же цѣлью, т. е. цѣлью этнографическаго описанія этаго края, восполнитъ то, что мною было опущено изъ вида, и такимъ образомъ довершитъ начатую мною задачу.

Весна.... Красное солнышко начинает сильно пригрѣвать; изъ земли выходитъ паръ; озими встрепенулись; въ селѣ видѣются мѣстами зеленныя лужайки; зазеленѣлась и береза. Праздникъ.... Народъ, и старъ и младъ, повысыпалъ на улицу; старики усѣлись на заваленкахъ и бревнахъ; малыя ребята копошатся и тамъ и сямъ, а молодежь водить хороводы: красныя дѣвицы щеголяютъ въ московскихъ шерстяныхъ сарафанахъ, бѣлыхъ коленокоровыхъ рукавахъ, плисовыхъ душегрѣйкахъ, изъ подъ которыхъ видѣется конецъ алой или голубой ленты, заплетенной въ длинную косу, и въ щегольскихъ полусапожкахъ, надѣтыхъ на бѣлыя или роспиченныя чулки; молодые парни тоже, для праздника, принарядились въ шерстяныя и кумачныя рубашки, плисовые шаровары, суконныя поддевки и черныя съ высокими подборами и мѣдными подковами сапоги. Веселье принимаетъ болѣе и болѣе оживленный характеръ. Мѣстные остряки не скупятся на каламбуры; дѣвицы то и дѣло хихикають. Но вотъ, среди хоровода похаживаетъ статный дѣтина; одной рукой онъ уперся въ бокъ, другой покручиваетъ усики и съ самодовольнымъ видомъ оглядываетъ всѣхъ красныхъ дѣвушекъ. Это нашъ Чурила Пленковичъ, на котораго, по народной былинѣ:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодухи глядятъ—оконницы звѣнать,
А старыя старухи костыли грызуть,
Все глядючи на молодца Чурилушку.

Это нашъ деревенскій ловцасъ, отъ котораго не одно дѣвичье сердце вдоволь настрадалось, не одни алмы уста горячо воспламенялись и не одни бѣлыя груди высоко воздымались. Но ни къ одной изъ нихъ на этотъ разъ не льнуло сердце нашего Чурилы. Лишь одна Таня Большакова надрывала ретивое у молодца Василья Оглоблина. Для нея-то онъ и усики покручивалъ, для нея одной и въ хороводъ пошелъ, на нее лишь одну онъ больше всѣхъ и поглядывалъ. Какъ поглядить на нее, та и зардѣетъ, словно маковъ цвѣтъ; какъ улыбнется ей, та и ногъ подъ собой не чувствуетъ. А больше всего она полюбилась ему за скромную рѣчь и за тихій нравъ. Всѣ дѣвки такъ и лезутъ на парней. Лишь одна Таня Большакова отстраняется отъ долгихъ рукъ парня-нахала.

Между тѣмъ какъ парни и дѣвки ведутъ хороводы, отецъ и мать Василья, сидя у косячатаго окошка, ведутъ такую промежь себя бесѣду: „А пора-бы, мать, намъ Васютку и поженить; какъ-бы не избаловался; да и тебѣ тяжело управлять одной со всеѣмъ хозяйствомъ“. — „Какъ знаешь, отецъ, я не противъ этаго“. — „А къ кому-бы эдакъ посвататься?“ — „Надо сперва его спросить: нѣтъ-ли у него на примѣтѣ какой невѣсты; вѣдь, нынѣ не прежнія времена—парни и дѣвки сами себѣ выбираютъ суженныхъ“. — „Да, теперь всеѣмъ ведется не по старому; а прежде на счетъ этаго круто было. Помнишь, какъ твоего-то отца бурмистръ высѣкъ за то, что онъ не хотѣлъ отдавать тебя за меня?... Да и тебѣ тогда не мало досталось за твое упрямство, однакожь прожили свой вѣкъ, не смѣна людей. А нынѣ все стали жениться по любви; да что-то эта любовь не очень прочна; полюбятся, потомъ глядишь, жена и шмыгнетъ отъ мужа, или въ свой домъ друга привѣтитъ; и мужъ, глядя на нее, тоже сударушекъ заведетъ, и пойдетъ все въ домѣ коромысломъ“. — „Ну, ужъ ты начнешь причитать безъ пути, безъ дѣла; какъ будто при женитьбѣ безъ любви и не можетъ быть раздоръ между мужемъ и женой; еще скорѣе отъ нелюбого мужа или посылкой жены все худое на разумъ пойдетъ.... А я вотъ что тебѣ скажу: давно я замѣчаю, что нашъ Вася сильно засматривается на Татьяну Большакову, и иногда думаю своимъ худымъ разумомъ, что эта пара была-бы хоть куда“. — „Что-же? Я не противъ Татьяны: дѣвушка она смирная и работящая; одно немного не ладно, что одежонки мало, да и отецъ крутенежь; ну, да одежда—дѣло нажитое, а отецъ будетъ въ сторонѣ. Надо уже покалякать съ сыномъ, а потомъ и сваху пошлемъ къ дядѣ Вавилѣ; кстати теперь лишняя работница намъ очень нужна въ домѣ“.... И на другой день въ домѣ Вавилы происходитъ рукобитье, на которомъ окончательно рѣшается участь влюбленныхъ.... Но при другихъ обстоятельствахъ дѣло не такъ скоро дѣлается. Большею частью препятствія бывають со стороны отца невѣсты и самой невѣсты: отецъ-крестьянинъ смотритъ на свою дочь, какъ на рабочую силу и всегда не охотно съ ней разстается,—развѣ ужъ черезъ

чурь она „баловаться“ начнет или выгодный свать присватается. И сама невѣста не всегда охотно идетъ за-мужъ. У отца она живетъ на полной свободѣ; есть у нея и свой возлюбленный, за котораго она разсчитываетъ выйти за-мужъ, хотя расчеты ея большею частью и не оправдываются,—особенно если она по неосторожности родить. Въ такомъ случаѣ впрочемъ и вообще ей трудно выдти за-мужъ. Тогда беретъ ее за себя или вдовецъ или бѣднякъ-крестьянинъ, который радъ жениться хоть на какой-нибудь дѣвушкѣ или вдовѣ, лишь-бы имѣть хозяйку въ домѣ. Но если она при всемъ „баловствѣ“ не родить, что впрочемъ почти постоянно и бываетъ—при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, специально занимающихся уничтоженіемъ плода—то можетъ всегда разсчитывать на хорошую партію. И мужъ ее никогда не укоритъ и не будетъ тиранить за то, что она прежде времени лишилась своего дѣвства. Въ Ветлужскомъ Краѣ макарьевскаго уѣзда вообще на это дѣло смотреть весьма снисходительно. „Гдѣ ужъ намъ, батюшка, разбирать честныхъ дѣвокъ, сказалъ мнѣ одинъ крестьянскій паренъ, пожелавшій жениться на одной чуть-ли не публичной женщинѣ; да и гдѣ найдешь честныхъ? Развѣ изъ двухъ-сотъ выберется одна не тронутая, да и то наврядъ; вѣдь они еще съ 13 или 14 лѣтъ начинаютъ съ нами баловаться. Если-бы ты поглядѣлъ, что мы дѣлаемъ по ночамъ въ *беспдкахъ*, или когда моемся въ банѣ—не малому диву дался-бы“ *).

*) *Беспдки* дѣйствительно слишкомъ развращаютъ наше крестьянское юношество. Здѣсь—въ домѣ какой-либо бобылки—проводить почти всю ночь за глазами родителей и, вмѣсто того, чтобы пряхть, предаются всевозможнымъ оргіямъ съ парнями, которые, обыкновенно, приносятъ въ собой кромѣ гостинцевъ, водки и вина. Здѣсь они вмѣстѣ съ падшими дѣвушками, подпоивъ невинныхъ и молодыхъ дѣвушекъ, развращаютъ этихъ послѣднихъ, и число проститутокъ увеличивается; бобылки тоже изъ-за отопленія своей кельи и другихъ мелкихъ корыстныхъ расчетовъ обыкновенно занимаются сводничествомъ для тѣхъ и другихъ. Родители знаютъ, что тамъ дѣлается, и все-таки продолжаютъ смотрѣть на эти рассадинки разврата и сифилиса сквозь пальцы.—Оригиналенъ здѣсь обычай и мытья въ банѣ. Самыя бани обыкновенно устраиваются позади селенія съ маленькими окнами безъ стеколъ, а вмѣсто стеколъ, послѣ тонки, окна затыкаютъ наклеи или тряпками. Моемся, при свѣтѣ лучины, безъ мыла и кое-какъ; главнымъ образомъ стараются хорошенько пропариться, чему подвергаютъ и маленькихъ дѣтей, даже новорожденныхъ младенцевъ. Въ нагрѣтую баню идутъ вмѣстѣ, не только родные—мужчины и женщины изъ

мому понятію „дѣвство“ здѣсь большею частью придаютъ одно обширное значеніе, т. е. пока дѣвица не за-мужемъ, она считается „дѣвственницею“. Такое понятіе о дѣвствѣ мнѣ разъ довелось слышать въ домѣ одного священника при слѣдующемъ обстоятельстве. Дѣвушка, дочь одного крестьянина, изъявила желаніе выйти за-мужъ за одного крестьянскаго парня, съ которымъ она была въ связи и отъ котораго даже находилась въ интересномъ положеніи. Но отецъ той дѣвушки никакъ не соглашался выдать свою дочь за ея любовника. Тогда они попросили священника повѣнчать ихъ тайкомъ. Узнавъ подробно обстоятельства этаго дѣла и справившись, что невѣста достигла уже гражданскаго совершеннолѣтія, священникъ далъ имъ слово повѣнчать ихъ. Между тѣмъ отецъ узнаетъ объ этомъ, приходитъ къ нему просить не вѣнчать ихъ. Священникъ, съ своей стороны, началъ высказывать ему всю неразумность его упрямства и, между прочимъ, намекнулъ, что дочь его въ скоромъ времени будетъ матерью. Тогда, въ порывѣ своего неудовольствія на священника, за то, что онъ не соглашается на его просьбу, этотъ крестьянинъ сказалъ: „Наплевать мнѣ на то, что она беременна; для меня хоть пять ребятъ принеси, только дѣвство соблюди“ *). Такимъ его аргументомъ священникъ все таки не удовлетворился, и на другой день влюбленная чета была повѣнчана. Но главнымъ образомъ свадьбы здѣсь часто разстраиваются изъ за „выговора“. Отецъ невѣсты очень много иногда запрашиваетъ съ женихова отца этаго „выговора“ и дѣло разстраивается. Самое-же сватовство, обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посоветовавшись съ женой и сыномъ, приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родствен-

одного дома, но даже и чужіе. Нерѣдко собираются для мытья въ банѣ парни и дѣвушки совершенно чужіе между собою. И тутъ сальность и цинизмъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; развѣ только иногда какая нибудь дѣвушка ошпаритъ горячей водой или вѣникомъ ужъ черезъ-чуръ разшалившася ловласа; но это тоже даромъ ей не можетъ пройти: ловласъ задуетъ лучину, и въ темнотѣ произойдетъ тогда полная суматоха.

*) Если-бы эти неосторожныя слова отецъ невѣсты высказалъ передъ какимъ либо средневѣковымъ феодаломъ, то навѣрное, жестоко поплатился-бы за нихъ въ виду того права, которое представляло феодалу *ius primae noctis*.

ники бѣдны, богатаго одиодеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты (въ своей деревнѣ, по родственнымъ и другимъ причинамъ, рѣдко устраиваются свадьбы). Тамъ они останавливаются въ домѣ какого либо родственника со стороны отца невѣсты или вообще своего знакомаго и просятъ его, или жену его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелають-ли они выдать свою дочь за-мужъ. Отецъ невѣсты обыкновенно тотчасъ не отказываетъ отцу жениха, если иногда и не желаетъ выдавать свою дочь за-мужъ, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается известной поговорки: „сватъ не свить,—добрый человекъ“. Иногда, впрочемъ, дѣло устраивается въ первую-же поѣздку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшится на сватовство, причемъ обыкновенно отговаривается тѣмъ, что сначала надо посоветываться съ матерью, родными и самой невѣстой. Когда все они насовѣтуютъ выдать невѣсту за-мужъ, объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣзжалъ окончательно свататься и привозилъ вина. При этомъ, если невѣста потребуетъ жениха посмотрѣть, привезутъ и жениха. Онъ сходитъ въ „бесѣдку“, посмотреть на невѣсту и невѣста на него, спросить, согласна ли она за него выйти за-мужъ; та скажетъ: „Сватайся къ родителямъ, я противъ ихъ воли не пойду“,—и начинается формальное сватовство. Отецъ жениха съ своей женой и родственниками отправляется къ отцу невѣсты, входятъ въ избу, молятся передъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватя, послѣ довольно продолжительныхъ разговоровъ, совершенно не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь обыкновенно ведется такъ: женихова родня говоритъ, что у нихъ есть покупатель, у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ, что товаръ ихъ молодъ, необходимъ въ хозяйствѣ, не запасся еще одеждой и т. п., и въ концѣ концовъ дѣло ладится. Порѣшивъ на счетъ товара, т. е. невѣсты, родители ея начинаютъ высказывать свои условія, на которыхъ они согласны выдать свою дочь за-мужъ. Условія эти заключаются въ „выговоръ“ столовыхъ денегъ, которые жениховъ отецъ долженъ вы-

дать передъ свадьбой отцу невѣсты. Выговоръ этотъ простирается отъ 10 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ и другихъ родителей. Кромѣ денегъ выговаривается еще извѣстное количество пшеничной муки, говядины, солода для невѣстиной родни; если-же невѣста очень бѣдна и не имѣетъ задубленого или суконнаго полушубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полушубокъ; равно рѣчь идетъ и о дарахъ, т. е., всякому-ли свою родню дарить, или жениху—и ту и другую. Покончивъ все эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ передъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы родители подають другъ другу руки („бьютъ по рукамъ“), посторонній человѣкъъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невѣстина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. За виномъ назначаютъ и время свадьбы. Въ это-же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, пріѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли вечеринка (наканунъ свадьбы)? Тотъ соглашается. Рѣдкій изъ нихъ не соглашается, при чемъ обыкновенно говоритъ: „У меня дочь не кошка,—со стола не спехнемъ ее; тоже двадцать лѣтъ она работала у меня,—неужели и стола (вечеринки) не работала“. Да и неудобно было-бы ему отказать въ вечеринкѣ; послѣ въ семействѣ мужа стали-бы корить его дочь: „Какой у тебя батька: и *вечеринки не сдѣлалъ“. Между тѣмъ какъ совершится рукобитье, невѣста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за перегородку, тотчасъ-же начинаетъ причитать, или, по мѣстному выраженію, „выть“:

Исполать, мои пріатели,

Что заправдалися пріатели

Отдать меня, младехоньбу,

Во тѣ, да во чужи люди,

Ко чужому отцу-матери.

Ужъ да въ васъ, мои пріатели,

Вся правдушка солгалась,

И вся ложность оказалась.

Безъ меня, да молодехоньби,

Не два солнышка свѣтитъ будетъ,

Не два солнца обогрѣютъ васъ;

Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,

Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріятели,
Безо всякія безъ ложности;
То не думала, пріятели,
Дождаться отъ васъ этаго.
Все ходила на работу ужъ я первая,
Звать потомъ, мои пріятели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріятели,
Во полѣ не жнея была,
Во лугахъ, да не кошельщица.
Что потомъ, мои пріятели,
Подъ окошко вамъ подкинута,
Что потомъ, моя родимая,
Во рукахъ меня не держала,
Въ колыбельюшкѣ не качала.
Ты послушай, моя родная,
О чемъ я стану кучиться,
О чемъ я низко кланяться,
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горючимъ слезамъ *).
Ты сходи, моя родимая,
Во бесѣдушку веселую
Къ моимъ милымъ подруженькамъ;
Поклониваси, родимая,
Поклониваси низехонько;
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныи,
Милыя подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.

По окончаніи этаго причитанья **), мать невѣсты идетъ къ ея подругамъ и приглашаетъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ долго ждать себя не заставляютъ, и собравшись на-скоро,

*) Въ Ветлужскомъ Краѣ очень часто употребляется дательный надежъ вмѣсто творительнаго.

**) Всякое причитанье сопровождается слезами.

идуть къ своей подругѣ-невѣстѣ. На пути они поютъ пѣсни. Определенныхъ пѣсень на этотъ разъ нѣтъ; поютъ, какую вздумаютъ. Мнѣ нерѣдко доводилось слышать слѣдующую пѣсню:

Миленькій по горенкѣ похаживаетъ,
Онъ тугой лучокъ натягиваетъ,
Кленову стрѣлу накладываетъ,
Кленовой стрѣлѣ наказываетъ:
Ты лети, кленовая стрѣла,
Выше лѣсу, выше темненькаго,
Выше садика зелененькаго.
Ты убей, убей, кленовая стрѣла,
Ты убей, убей орлика на лету,
Съру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Добра молодца на ворономъ конѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.

Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, невѣста „воет“:

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось;
Посередь зимы студеныя
Что летятъ да гуси-лебеди.
То идутъ мои подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонкѣмъ.
Выйди-ка, родимая,
Встрѣть ихъ, подруженекъ,
Среди двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пята
Моимъ милымъ подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, невѣста продолжаетъ:

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки;
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мой милая,
Буйны головы прочесали,
Рубчетны плетни заплетали *),

*) Особый видъ плетенія волосъ у дѣвицъ.

Какъ собирались, мои милыя,
Во смиренную бесѣдушку *).
Поглядите-ка, пріятели,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за маку цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки:
Одна маковка да поблѣднѣе всѣхъ,
Ее мочить сверху дождичекъ,
А по правую сторонушку
Завекло да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыхъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку
Ужъ какъ взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да во бѣлы руки;
Золотую мою связочку
Какъ прижать, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да къ ретиву сердцу.
Ужъ возьмите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы унесите-ка, родимыя,
Мою да дѣвью красоту
Во батюшко, во темный лѣсъ.
Вы положьте-ка, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли, сухо дерево,
Какъ тому-ли суху дереву
Не бывать да двою зелену;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Не живать да въ красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятели,
О чемъ я стану кучиться:
Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ

*) Въ прежнее время бесѣдки дѣйствительно была смиренныя, и дѣвушки, собираясь для пражки льна, только пѣли тамъ пѣсни и парней никогда къ себѣ не принимали; но теперь бесѣдки совершенно утратили свое первоначальное значеніе и сдѣлались притонномъ разврата.

Моихъ милыхъ подруженекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли, мои любезныя;
Бо мнѣ, да въ молодехонгѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да зеленымъ виномъ;
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да пивомъ пьянымъ,
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужо ту да пѣсню жалобну,
Въ которой пѣснѣ свадебной
Пѣсню жалобну и свадебну,
Поминается отецъ и мать;
Зазнобили-бы у молодехоньки
Мое сердце ретивое
Отъ нынѣ и до вѣку,
До матушки до гробовой доски.

Дѣвушки поютъ:

Какъ задумали родители
Меня за-мужъ выдавать,
Отъ бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ млада отлучать.
Какъ меня, млада, отлучать,
Я не чаюсь живой быть.
Я пойду съ такого горя
Въ нову горницу сидѣть;
Ужъ я сяду, пригорюнюсь
У косящата окна,
И тамъ буду слезы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Въ чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону.
Ты злодѣй, злодѣй, злодѣй
Чужа-дальна сторона,
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня

Съ моимъ миленькимъ дружкоймъ.

Выслушавъ пѣсню своихъ подругъ, невѣста просить своего отца и братьевъ, если они есть, запрячь для нихъ „ворона коня“ и прокатить ихъ „вдоль улицы широкия“. Тѣ исполняютъ ея просьбу. Послѣ катанья дѣвушки снова поютъ пѣсни въ домѣ невѣсты; вотъ одна изъ такихъ пѣсень:

Знала бы, знала, дура, за-мужъ не пошла
Лучше-бы, я во дѣвушкахъ жила;
Глаже-бы, глаже я головку чесала,
Мелче-бы, мельче русу косу я плела,
Въ русу косу алу ленту вплетала,
Вплетучи, алой лентой увила.
Во бесѣду развеселу ходила,
Противъ милаго на стулѣ сидѣла.
Противъ милаго широкаго двора
Выростала часта роща зелена;
Въ этой рощѣ прелюбезны два древа,
Перво древо—садовая яблонка,
Друго древо—зеленая грушица.
Съ того древа два яблочка сорвала,
Съ того время любить дружка начала.

Дѣвушекъ угощаютъ пивомъ и виномъ. Затѣмъ они расходятся и въ другой разъ приходятъ къ своей подругѣ-невѣстѣ уже не званья, а когда имъ вздумается. Уѣзжаетъ домой и отецъ жениха въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Невѣста остается одна среди своихъ близкихъ родныхъ, и снова „воет“:

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормильцемъ-батюшкой;
Словно вамъ я не родимая,
Въ утробѣ не ношенная,
У бѣлыхъ грудей не леженная,
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба и была, не работница,
Не слуга-то-ли я вѣрная,
Не посылка-то-ли скорая,
Въ полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Въ зеленыхъ лугахъ не кошельница?
Не дали грушѣ вырости,

Не дали яблонкѣ выпцвѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріатели,
На ноги рѣзвы подняться,
Съ годами собратися,
Съ умомъ-разумомъ справиться.
Ужъ какъ отдали вы, пріатели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Своимъ „вытѣмъ“ невѣста даже нарушаетъ ночной сонъ своихъ родителей, и утромъ, когда они еще спятъ, она будитъ ихъ такъ:

Ужъ какъ спится вамъ, пріатели.

Вся-то матушка темная ночь;

Ужъ какъ мнѣ, да молодехонькѣ,

Не спалось всю темную ночь.

Не спалось да много видѣлось:

Какъ ходила, молодехонька,

По краю-то рѣчки быстрыя,

Оборвалась, молодехонька,

Во ту-ли рѣчку быстрюю;

Какъ хваталась я, ималася,

За кусты тѣ, за таловые,

За осоку я рѣзучую;

И обрѣзало у молодехоньки

Объ руки бѣлыя....

Не въ рѣкѣ и закупалася,

А купалась, молодехонька,

Въ своихъ лишь горячихъ слезахъ;

И хваталась я, ималася

За свое-то горе горькое;

Не осоконь мнѣ обрѣзало,

А обрѣзало у молодехоньки

Печалью лютою, великою.

Другой вариантъ:

Ужо спится вамъ, пріатели,

Вся-то матушка темная ночь;

Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,

Все не спятся ночи темныя
Со того, да со злодѣй-горя.
И вставала, молодехонька,
По утру-то я ранехонько,
Умывалась, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ;
Утиралась, молодехонька,
Со правой руки рукавчикомъ.
Сидите, мои пріатели,
За столомъ, да за дубовымъ,
А мнѣ, молодехонькѣ,
За столомъ уже нѣтъ мѣстечка;
Какъ спасибо вамъ, пріатели,
За хлѣбъ, за соль, да за старую,
Не спасибо за теперешню.
Хлѣба стопка простояла,
Суха ложка пролежала,
Хлѣба-соли не отвѣдала.
Вы скажите-ка, пріатели.
Моему-то братцу-батюшкѣ,
Чтобъ запрягъ онъ коня добраго,
Посадилъ-бы молодехоньку
На того, да на добра коня.
Увези-ка, братецъ-батюшка,
Ты меня во темный лѣсъ;
Тамъ я, молодехонька,
Найду себѣ горючъ камень.
Я убьюсь, да молодехонька,
Объ тотъ, да объ горючъкамень.
Какъ пройдетъ, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвушка,
Что о тотъ, да о горючъ камень.
Знать, сама я вѣдаю,
Что это все не сбудется;
Лишь сама себя потѣшила,
Лишь сама себя помравила.

Днемъ, при посѣщеніи родственниковъ или подругъ своихъ, невѣста тоже воетъ или причитаеть. Если придетъ къ ней подруга, она такъ причитаеть:

Поди-ка, милая подруженька,

Къ моему-то горю-кручину,
Къ печалюшгѣ великой.
Не чаешься ты, милая,
На себя-то горя-горьбаго,
Не взначай горе подкатится....

Если придетъ къ ней крестная мать:

Поди-ка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалюшгѣ великой;
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистымъ благословеньицемъ,
Чистымъ, не рушимымъ,
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Если придетъ къ ней дядя, она и дядѣ причитасть:

Ты поди-ка, мой кормилецъ,
Мой кормилецъ, милый дядюшка,
Къ моему-то ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.
Ты спроси-ка, мой кормилецъ,
Ужо тѣхъ моихъ пріятелей:
Кого ждуть мои пріатели
Къ себѣ, да во любы гости.
Ужъ не тѣхъ-ли милыхъ гостеекъ,
Гостеекъ, да незнакомыхъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ придетъ пора, да времячко,
Какъ придутъ, да къ молодехонькѣ
Эти гости незнакомые;
Помѣщается у молодехоньки
У меня, да умъ со разумомъ
И со крѣпкою со памятью;
Испугается, да сердце ретивое
При тѣхъ милыхъ при гостейкахъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ мнѣ ихъ назвать будетъ,
Какъ назвать и возвеличать.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха пріѣзжаютъ

къ невѣстѣ съ гостинцами и передають эти гостинцы матери невѣсты. Гостинцы эти состоятъ изъ конфектъ, пряниковъ, орѣховъ и сладкихъ пироговъ съ черникой, малиной, изюмомъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ сажаютъ за столъ и начинаютъ угощать, или, по мѣстному выраженію, честить. Честятъ сильно, такъ что передъ своимъ отъѣздомъ всѣ гости, какъ говорится, лыба не вѣжутъ. Во время пира они, между прочимъ, просятъ вывести къ нимъ невѣсту, которая обыкновенно сидитъ за перегородкой. Въ сопровожденіи своихъ подругъ нарядная невѣста выходитъ къ гостямъ, наливаетъ пива и вина и подзуетъ ихъ. Въ тоже время она цѣлуетъ всѣхъ гостей-женщинъ, а тѣ въ это время ее разматриваютъ. Послѣ того она снова уходитъ за перегородку и начинаетъ вѣтъ:

Не спасибо вамъ, пріатели,
Что вывели младехоньку
На великій стыдъ, безчестьеце,
Что по тѣмъ, да по чужимъ людямъ.

Обнесли вы, молодехоньку,
Обнесли и обезчестили,
При моихъ милыхъ подруженькахъ.

У меня, у молодехоньки,
Скатилась со плечъ головушка,
Я на силу вѣдь, пріатели,
Собралася съ умомъ-разумомъ,
Со своей я крѣпкой памятью.

Не погнѣвайтесь-же, милыя,
Милыя мои гостейки,
Надо-бы, мои гостейки,
Васъ честить пуще, подчивать
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ.

У меня, у молодехоньки,
Не стоять ноги рѣзвыя,
Не глядятъ очи ясныя,
Не дѣлають руки бѣлыя
Со того, да со злодѣй-горя.

Накажу-ка я пріателямъ:
Вы честите-ка, пріатели,
По моей великой просьбѣ
Ужо тѣхъ, да милыхъ гостеевъ.

Блажайтесь, мои пріатели,
Ужо имъ низехонько;
Говорите-ка, пріатели,
Съ ними по малехоньку.
Ужо звать, мои пріатели,
До поры вы дѣло сдѣлали,
Ужо сильно познакомились;
Знать меня, да молодехоньку,
Отдаете вы, пріатели,
Что во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матери,
Какъ изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.
Ужъ вы знаете, пріатели,
Мудрено, да мудренехонько
Жить во чужихъ людяхъ
У чужова отца-матери.
Надо мнѣ, младехонькѣ,
Два ума, два и разума,
Два обычая обонравые.
Какъ придетъ, да молодехонькѣ
Та пора, да времячко
Попроситься у пріателей,
У чужова отца-матери.
Ужо къ вамъ, да во любви гости.
Отпустить, да молодехоньку
На закатъ до красна солнышка;
И пойду я, молодехонька,
За тѣмъ, за полемъ чистымъ,
За тѣмъ, за лѣсомъ темнымъ.
Я зальюсь, да молодехонька,
Ужо тѣмъ, да горючимъ слезамъ;
Приду я къ вамъ, пріатели,
Ужо въ гости, во любые,
Ничего-то вамъ, пріатели,
Ничего-то не повѣдаю:
Каково-то жить въ чужихъ людяхъ,
У чужова отца-матери.

Послѣ пирушки гости разъѣзжаются, и въ другой разъ пріѣзжаютъ къ невѣстѣ уже наканунѣ свадьбы. Въ тотъ день утромъ невѣста обыкновенно созываетъ своихъ подругъ и про-

сить ихъ истопить для нее баню. Тѣ истопятъ и ведутъ ее въ баню съ пѣснями. Въ рукахъ въ это время они несутъ вѣнникъ, увязанный бантиками. Баню обыкновенно выбираютъ гдѣ нибудь подальше отъ села или деревни, чтобы большее пространство пройти имъ съ пѣснями. Въ это время чаще другихъ слышится слѣд. пѣсня:

Туманъ, туманъ при долини,
Листъ широкій на малинѣ;
Есть пошпире на дубочкѣ;
Манилъ молодецъ дѣвочку.
Не свою манилъ, чужую,
Пойдетъ дѣвка, поцѣлюю.
Зачѣмъ чужу цѣловати,
Тоску къ сердцу придавати;
Стала дѣвица рыдати,
Сталъ молодецъ унимати,
Платкомъ слезы утирати.
Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
Самъ я холостъ, не женатъ;
Если вздумаю жениться,
Просимъ милости на свадьбу.
У меня на свадьбѣ будетъ
Пива, водки очень много.
Мнѣ не диво твое пиво
Милы твои рѣчи.
Твоя матушка-злодѣйка,
Твои сестры-лиходѣйки,
Разлучаютъ насъ съ тобою,
Точно рыбицу съ водою.
Щука рыба живетъ въ морѣ,
А я, дѣвица, на волѣ;
Щука рыба по Дунаю,
А я дѣвка погуляю;
Щука рыба съ карасями,
А я, дѣвка, съ молодцами,
Со такими удалыми,
Съ ребятами холостыми.

Въ банѣ дѣвушки моютъ и парятъ свою подругу-невѣсту тѣмъ разукрашеннымъ вѣнникомъ, и при этомъ не рѣдко шиплютъ, при чемъ спрашиваютъ: какъ жениха зовутъ. При одѣваньи невѣста воетъ:

Какъ оставьте-ка, сударыни,
Меня въ той банѣ жаркой,
Чтобъ прошла такая славушка,
Что умерла-де красна дѣвушка
Во той, во банѣ жаркой.

Придя въ домъ, она просить своихъ подругъ причесать ей голову:

Какъ заплетите-ка, сударыни,
Мою косу русую;
Какъ вплетите-ка, сударыни,
Разноцвѣтну алу ленточку.

Подруги исполняютъ ея просьбу. Она благодарить ихъ за баню жаркую и сажаетъ за столъ обѣдать. Сама-же сидитъ возлѣ стола и ничего не ѣстъ, только причитаеть:

Кушайте, мои сударыни,
Не дожидайтесь, мои милыя,
Чтобъ честила я васъ, подчивала.
Надо-бъ мнѣ, мои сударыни,
Стоять, да на рѣзвыхъ ногахъ,
И честить васъ пуще, подчивать,
Чтобъ не сердились вы, не гнѣвались,
На меня, на молодехоньку,
На меня, на зеленехоньку.

По выходѣ изъ за стола, она проситъ ихъ не оставить ее на „завтрашній господень день“ и кланяется имъ въ ноги. Подруги уходятъ. Въ тотъ-же день сестры, тетки и другія родственницы со стороны жениха приходятъ или пріѣзжаютъ къ невестѣ съ пирогами, и ждутъ тамъ пріѣзда жениха, который на вечеринку пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. На вечеринку отецъ жениховъ обыкновенно привозитъ и условленный „выговоръ“ за невесту, состоящій изъ денегъ, муки, шубы и проч., а женихъ привозитъ своей невестѣ платокъ, ситцу на сарафанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь и невеста его одариваетъ — рубашкой, штанами и поясомъ. Иногда она даритъ его отца съ матерью: отцу даритъ утирку (полотенце), а матери — рукава. Отецъ за подарокъ невесты платитъ ей отъ 1 до 2 рублей. На вечеринку обыкновенно собираются и дѣвушки, которыя постоянно поютъ пѣсни, и въ своихъ пѣсняхъ не рѣдко

„срамять“ жениха. Но если онъ при этомъ дастъ имъ денегъ (10—20 к.), то начнутъ хвалить *). На вечеринкѣ, между прочимъ, поются слѣд. пѣсни:

Грянули весельцы вдоль по морю,
Грянули, раскрашены, вдоль по синему;
Топнули кони во широки ворота,
Топнули кони во рѣшетчаты.
Дрогнуло сердце у Катюшеньки,
Дрогнуло ретивое у Васильевны.
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ,
Какъ привыкать ко чужой семьѣ;
Какъ назвать свекра батюшкой,
Какъ назвать свекровь матушкой,
Какъ взвеличать своево суженаго?
Отъ горя-горя свекоръ-батюшка,
Отъ горя-горя свекровь-матушка,
Отъ сердца-сердца Николай господинъ,
Сударь мой Михайловичъ.

Или:

Во горенкѣ во новой,
Во новой,
Стоялъ столикъ кедровой,
Кедровой,
Обить парчей голубой,
Голубой,
Серебряной бахрамой,
Бахрамой,
На столикѣ убраннымъ
Убрано,
Графинъ водки ставлено,
Ставлено.
Николай господинъ,
Дворянинъ,
По горницѣ проходилъ,
Проходилъ,

*) На вечеринкѣ женихъ долженъ сидѣть, повѣся голову. Если-же онъ вздумаетъ глядѣть бойко и по сторонамъ, то это въ нѣкоторыхъ селахъ Ветлужскаго Края считается неприличнымъ, при чемъ дѣвочки съ печи или съ полатей иногда въ насмѣшку показываютъ ему кошку, оборотивъ ее къ нему задней стороной.

Къ столу подходилъ,
Подходилъ,
Графинъ водки въ руки бралъ,
Въ руки бралъ,
Въ рюмку наливалъ,
Наливалъ,
Катюшѣ подносилъ,
Подносилъ,
Васильеву просилъ,
Онъ просилъ:
Выпей рюмку отъ меня
Для меня,
Роди сына-сокола,
Сокола;
А тебѣ я подарю,
Подарю,
Куплю нитку жемчугу,
Жемчугу.
Носи жемчугъ, не жалѣй,
Не жалѣй,
Роди сына, да лелѣй,
Ты лелѣй.

Или:

При вечерней вечеринукѣ,
У Катюши на дѣвятичкѣ,
Прилеталъ, да младъ ясенъ соколъ;
Онъ сѣдился на окошечко,
На окошечко косящато,
На серебряную полочку,
На золочену приборянку.
Занавѣску онъ раздернулъ,
Красныхъ дѣвушекъ раздвинулъ
Онъ Катюшу взялъ за ручку,
Свѣтъ Васильеву за праву.

Или:

Ужъ ты сваха-шаболтошница *)
Ужъ ты сватала, все хвастала,
У насъ дворъ-то на семи верстахъ,
На семи верстахъ казенныхъ,
Осередь двора три горницы.

*) Шобяница, заплатница.

Какъ прѣхали, увидѣли:
У васъ дворъ-то на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ, на курочьихъ,
Осередь двора три банишки.

Или:

Не чаялась матушка
Молодехоньку забыть;
Избыла, родимая,
За единый за часокъ.
Отдала, родимая,
Во проклятый во домокъ,
За того дѣтвиушку,
За невѣжу, балуна.
Осержусь на батюшку,
Семь лѣтъ въ гости не приду.
На восьмомъ уже годочкѣ
Вольной пташкой прилечу.
Сяду я у батюшки
Во зеленымъ саду
Стану я во садикѣ
Какушкой каковать.
Большой братъ возговорить:
Что за пташка во саду?
Средній братъ возговорить:
Пойду пташку застрѣлю.
Меньшой братъ возговорить:
Пойду пташку осмотрю.

Или:

Твой женихъ не хорошъ, не пригожь—
На горбу роща выросла;
Въ этой рощицѣ грибы растутъ,
Грибы растутъ березовые;
Въ головѣ же мышь гнѣздо завела;
Въ бородѣ дѣтокъ вывела.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ, продолжаютъ:
Твой женихъ и хорошъ и пригожь;
Его кудри наложеные;
Черные брови наведенныя,
Ясны очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маговъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полночи все гости развѣзжаются и расходятся съ вечеринки. Уходятъ и дѣвушки. Снова они приходятъ къ невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы, въ то время, когда топится печь. Тутъ изъ прѣснаго тѣста они дѣлаютъ пирогъ — короваецъ съ начинкой. Втыкаютъ въ этотъ пирогъ пять лучинокъ и лучинки эти тоже покрываютъ тѣстомъ, а на среднюю или верхнюю лучинку сажаютъ поросенка, сдѣланнаго тоже изъ тѣста; въ ротъ этаго поросенка всовываютъ соломинку; на поросенка прилепляютъ пастуха изъ того-же тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало или нитку въ видѣ кнута. Когда пирогъ испечется, его вынимаютъ изъ печи, втыкаютъ въ него прутьики съ еучками, обвѣшиваютъ эти прутьики разноцвѣтной бумагой и увѣшиваютъ лентами, такъ что изъ за этихъ лентъ тѣста совершенно не видно, кромѣ поросенка и пастуха. Пирогъ этотъ подаютъ за обѣдомъ послѣ вѣчанія.

Между тѣмъ какъ въ домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго раняго утра занимаются стряпней, въ домѣ жениха готовятся ѣхать за невѣстой. Снаряжается поѣздъ изъ родственникововъ жениха. Поѣздъ называется малымъ, когда онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ паръ, и большимъ — когда состоитъ изъ семи, десяти и болѣе паръ. Въ каждомъ поѣздѣ непременно участвуетъ дружка. Дружка этотъ выбирается изъ родственникововъ и изъ постороннихъ лицъ. Большею частью впрочемъ приглашаютъ особаго спеціалиста по этой части. Спеціальность же его состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда находился, что къ чему сказать и что когда сдѣлать. Это — древне-еврейскій архитриклинь, распорядитель пира, душа общества; онъ-же вѣдунъ или знахарь и въ то-же время противодѣйствующая сила противъ колдуновъ; а подъ часъ онъ разыгрываетъ и роль шута. Безъ этаго лица не дѣлается ни одной свадьбы. Свои рѣчи и прибаутки онъ, какъ наслѣдство, передаетъ сыну или другому какому либо ближайшему родственнику, и всегда не охотно говоритъ объ этомъ ремеслѣ своемъ, доставляющемъ ему, кромѣ небольшого вознагражденія, почетъ на свадебномъ пиру и полное раздолье въ пьянствѣ. Дружки на свою профессію смо-

трать вообще какъ на какое-то священнодѣйствіе и всегда исполняютъ свое дѣло съ особенною важною и серьезной фізіономіей, кромѣ особыхъ случаевъ. Не прочь бывають они иногда, особенно подъ пьяную руку, и похвастаться своими чарами или заговорами. „Самъ я не умѣю заговаривать, говорилъ мнѣ одинъ изъ второстепенныхъ друзей, — а другіе заговаривають на свадьбахъ; меня же разъ чуть самого не заговорили. Былъ я дружкой въ Усикхъ. Стою со стаканомъ въ рукѣ, а хватъ у меня сапогъ и слезаетъ съ ноги; смотрю, испугался, и другой слезаетъ. Я такъ испугался, что инда задрожалъ; но все-таки совѣмъ не потерялся, а сказалъ: не шутя, а то я такъ спущу, что и не выйдешь отсюда. Смотрю, сапоги опять надѣлись, какъ слѣдуетъ. А въ другой разъ ѣхалъ съ поѣздомъ въ Елкино. Подъѣзжаемъ къ елкинскимъ воротамъ, вдругъ лошади встали и шабашъ. Били, били ихъ, нейдуть, да и только. Елкинскій народъ стоитъ у ворота да хохочетъ, а я хоть плачь. Бились, бились, на силу въѣхали. Послѣ я узналъ, что нашъ поѣздъ заговорилъ на пустой орѣхъ Стенка-хромой. А вотъ нашъ Ефимъ Крюковъ такъ мастеръ былъ на эти штуки. Разъ онъ былъ на свадьбѣ въ Копоруликхъ. Тамъ пьяные надъ нимъ и стали смѣяться. Онъ взялъ, да и ушелъ безъ шапки домой. А дѣло было зимой. Хорошо же, говорить, не доѣдете до дому, коли вздумали надо мной смѣяться. Тѣ, отнировавши, поѣхали домой; доѣхали до богдановскаго поля и что-же? Бились, бились, такъ и воротились назадъ; цѣлый день тутъ кривуляли, а домой не попали. Послали за нимъ; на силу уломали (уговорили). Приѣхалъ къ нимъ; они попросили у него прощенія; онъ простилъ ихъ, и послѣ доѣхали домой благополучно. Въ другой разъ онъ ѣхалъ съ дровами въ Гузнеевъ. Въ это время ѣхалъ свадебный поѣздъ, да и вздумалъ уронить у него возъ. Хорошо же, говорить, поднимите. Только поѣзжане въѣхали изъ деревни, какъ у нихъ у всѣхъ лошади сами распряглись изъ оглоблей и понеслись въ разныя стороны. Какъ ни бились ихъ догонять, такъ и не догнали. А женихъ съ невѣстой сидятъ въ полѣ, да зябнуть. Тогда пошли къ Крюкову, поклонились ему въ ноги и подняли его возъ; въ-

ходить въ поле, смотреть — лошади всё стоятъ у оглоблей и ждутъ ихъ“. Подобные рассказы невольнио и весьма сильно могутъ вліять на темную и невѣжественную массу народа, и потому, нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ темный народъ всегда старается приглашать на свои свадьбы разныхъ знахарей, въ родѣ дружекъ, оказывать имъ всевозможный почетъ и посылно вознаграждать ихъ, изъ опасенія, чтобы что либо „не попричилось“ жениху и невѣстѣ.... Но я нѣсколько уклонился отъ главнаго предмета.

Когда всё поѣзжане, родственники женихова отца соберутся въ его домъ для поѣзда за невѣстой, при чемъ каждый изъ нихъ привозитъ и передаетъ ему каравай хлѣба, — всё садятся за столъ. Имъ подають „варево“, и они начинаютъ ѣсть. За столомъ вмѣстѣ съ ними сидитъ и женихъ, но онъ ничего не ѣсть, хотя передъ нимъ лежатъ и хлѣбъ, и ложки. За первымъ варевомъ слѣдуетъ второе варево. Потомъ подають лапшу. Лишь только поѣзжане хлѣбнутъ лапши по три ложки, дружка кладетъ на блюдо съ лапшей каравай хлѣба, разрѣзываетъ его на четыре части и говоритъ: „кѣтитесь и вставайте“. (Отсюда поговорка: „изъ за лапши женятся“). Всё встають. Дружка наливаетъ стаканъ пива и продолжаетъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне божій, помилуй насъ (крестится). Есть-ли здѣсь Иванъ Михайлычъ и Феодосья Лазаревна (отецъ и мать жениха)? Встаньте на рѣзвы ноги, покажите ясны очи; въ очи я вижу, погибли не чаю, обоихъ величаю. У меня, у дружки, ноги съ подхodomъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ. Я, дружка, чашу наливаю, Спаса призываю; примите чашу для любья, кушайте для здравья; будьте послѣ чаши многолѣтны; у великаго Николы кувунъ (медъ) пейте, у матери пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Умѣли вы своего сына вспоить, вскормить, на рѣзвы ноги поставить; умѣйте, родители, подъ окошко встать, чистое благословенье дать — ѣхать жениться. Поѣдетъ вашъ сынъ чистыми полями, быстрыми рѣками, темными лѣсами, черными грязями, уѣздными городами. Приѣдетъ вашъ сынъ къ сіонскимъ горамъ;

на этихъ сіонскихъ горахъ стоитъ высокъ новъ теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красна дѣвица, шьетъ она, вышиваетъ бѣлыя полотна; ждетъ, ожидаетъ къ себѣ добраго молодца. Взѣхаты-бы намъ на сіонскія горы и подѣхаты ко широкому двору, попроситься у тѣхъ чужихъ людей на широкой дворъ; взѣхаты-бы на добрыхъ коняхъ на широкой дворъ; со широкова двора намъ взойди-бы на рѣзвыхъ ногахъ на калиновъ мостъ, со калинова моста въ бѣлу горницу и взять-бы ему красну дѣвицу за бѣлы руки, за златы перстни; ѣхаты-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресеньѣ стоитъ храмъ господень. Прийти-бы ему въ храмъ господень, Богу помолиться, къ евангелію приложиться, на одно подножье встать, да златъ вѣнецъ принять“. Послѣ этой рѣчи, обращенной къ родителямъ жениха, дружка передаетъ налитой стаканъ женихову отцу, который, въ свою очередь, передаетъ его кому либо изъ поѣзжанъ. Затѣмъ дружка наливаетъ другой стаканъ пива и обращаетъ свою рѣчь уже ко всѣмъ лицамъ, находящимся въ избѣ: „Господи Іисусе Христе, Сыне божій, помилуй насъ (крестится). Изъ кута по лавкѣ, въ куть по скамейкѣ; есть-ли здѣсь маленьки ребятки—свинныя поросятки, зеленны сопли, красны дѣвицы—криношны блудницы, стары старушонки—худыя рубашонки, молодыя молодцы—косыя кички, банны затычки, подъ брускомъ лежащихъ, около столбушекъ стоящихъ,—примите чашу для любья, кушайте для здравья; будьте послѣ чаши благолѣтны, у великаго Николы кануны пейте, у матери пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Благословите всѣ добрыя люди нашему князю новображному (новобрачному), чего онъ пожелаетъ, то-бы ему получить въ добромъ здоровьи“. Послѣ этой рѣчи дружка передаетъ налитой стаканъ тому, кто стоитъ около столбушки, у печки, подъ полатями; тутъ-де обыкновенно стоитъ портинникъ или колдунъ, и потому надо его задобрить. Велѣдъ за этими вступительными рѣчами дружки, отецъ и мать жениха становятся у тябла (кіота); отецъ держитъ въ своихъ рукахъ икону, а мать—хлѣбъ съ солью. Женихъ, сынъ ихъ, прикладывается къ иконѣ и хлѣбу, кланяется отцу въ ноги и проситъ у него благословенія. Отецъ говоритъ:

„Господь тебя благословить; будь на тебѣ мое благословеніе отъ нынѣ и до вѣка“. Затѣмъ икону онъ передаетъ матери его, а хлѣбъ беретъ себѣ. Благословляетъ мать, при чемъ сынъ поступаетъ также, какъ и при благословеніи его отцомъ. Во время этаго благословенія избную дверь держать, и никого не выпускаютъ и не выпускаютъ изъ избы, опасаясь, съ одной стороны, колдуновъ, съ другой—скандала со стороны подруги жениха, если только она была у него. Потомъ все выходятъ на дворъ. Женихъ встаетъ у своей лошади, три раза крестится и надѣваетъ шапку. Садится. За нимъ садится и весь поѣздъ. Выѣзжаютъ со двора. Здѣсь дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, что онъ въ точности и исполняетъ. Все ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригоже-де князю новображному по-блону воздавать *).

Между тѣмъ, въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются все званые родственники, и каждый изъ нихъ тоже приносить имъ въ подарокъ каравай хлѣба, а сама невѣста сидитъ съ своими подругами, и по обыкновенію, причитаетъ:

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
 На улицу широкую;
 Погляди-ка вдоль улицы широкой,
 Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди.
 Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
 Въ обѣ руки по топоріку,
 Завалай-ка путь дороженьку,
 Чтобы не пройти имъ, не проѣхать
 Къ нашему, да широку двору.

Напрасная просьба къ брату. Поѣздъ уже стоитъ за деревней, и по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Вотъ онъ уже входитъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяина и хозяйку поздравляетъ „съ гостенькомъ полюбовнымъ“. За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и

*) Кроме того, опасаются порчи со стороны лихого человека, которую легко сдѣлать, если князь новображный скинетъ свою шапку.

третій. Послѣ третьяго стакана дружка вѣтаетъ, творить иисусову молитву и спрашиваетъ: „Кто сему дому въ началѣ?“. Хозяинъ отвѣчаетъ: „Господь“. — „А кто здѣшнему дому хозяинъ?“ — „Я“. — „Какъ васъ по имени назвать, по отчеству возвеличать?“ — „Сидоръ Карпычъ“. — „Быль-ли у васъ Иванъ Михайлычъ?“ — „Быль“. — „Были-ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова любовныя, промежь себя сватовство?“ — „Было“. — „Быль-ли промежду васъ третій человѣкъ?“ — „Быль“. — „Затопляли-ли вы свѣчку, молили-ли Богу?“ — „Затопляли и молили“. — „Били-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столики дубовыя, черезъ скатерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?“ — „Бились“. — „Разнимали-ли у васъ бѣлыя руки?“ — „Разнимали“. — „Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобъ быть сегодня свадьбѣ?“ — „Было“. — „Ждали-ли вы сегодня гостей?“ — „Ждали“. Послѣ этихъ допросовъ дружка продолжаетъ: „Ѣдетъ къ вамъ въ гости князь новображный на семидесяти паряхъ; семьсотъ человѣкъ стоитъ съ нимъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ, стоитъ и не унываетъ, отъ васъ вѣсточки выжидаетъ. Дайте ему отвѣтствіе: на вашъ-ли княженецкій дворъ взѣхать или на взѣзжую квартиру? Если на вашъ княженецкій дворъ, то просимъ покорно отворить ворота, въ избу дверь, въ избѣ дать мѣсто, чтобъ вашихъ гостей не потѣснить, а нашего князя подъ окошко посадить, и при этомъ просимъ покорно встрѣтить съ хлѣбомъ-солью, съ милостью божьею“. Отецъ невѣсты говоритъ: „Милости просимъ“. Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и, не доѣзжая до поѣзда, снявъ шапку, говоритъ: „Просимъ милости къ нашей княгинѣ новображной“. Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ вѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать невѣсты съ иконою и съ хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войти въ избу, при чемъ сами они идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. Между тѣмъ какъ происходитъ эта церемонія, невѣста, окруженная своими подругами, сидя въ

кутникъ, подъ полатами, или за перегородкой, причитаеть:

Что у насъ, мои пріатели,
Вдругъ воротца растворились,
Подворотенка простукнула,
Золото кольцо пробравнуло?
Выйди-ка, моя сударыня,
Сестрица—лебедь бѣлая,
На тотъ, да на ширевій дворъ.
Не осеній-ли ледъ ломается,
Не вода-ль на дворъ вливается.
Ужо ѣдутъ, знать, чужи люди,
На дворъ ѣдутъ, усмѣхаются,
Въ избу идутъ, похваляются,
Похваляется, да чужой чуженець,
Похваляется, да доброй молодець,
Разлучу-де красну дѣвушку
Со отцемъ, да и съ матерью,
Да и съ милыми подружками.
Поглядите-ка, подруженьки,
Не верба-ли въ избу клонится,
Не береза-ли Богу молится?
Не бархатъ-ли по полу стелется,
Не за столъ-ли жемчугъ сыплется?
Молится, да поклоняется
Ужо тотъ, да чужой чуженець,
Ужо тотъ, да доброй молодець.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Онъ годамъ меня постарѣе,
Умомъ-разумомъ исправиѣе.
Ты сходи-ка, братецъ-батьюшка,
Къ тому, да чужу чуженцу;
Ты сажай-ка, братецъ-батьюшка,
Ужо всѣхъ гостей названныхъ
Подъ окно, да подъ окошечко,
Во почетное во мѣстечко.
Ты поди-ка, братецъ-батьюшка,
О чемъ я стану кучиться
Тебѣ и, разъясенъ соколъ:
Послѣди-ка, братецъ-батьюшка,
Подъ окномъ, да подъ окошечкомъ:
Что стоитъ у насъ за темный лѣсъ,

И во томъ лѣсу во темнымъ
 Что стоитъ за яблонка?
 Или такъ мнѣ показалось?
 То стоять, да люди добрые,
 То стоять, да чужой чуженецъ,
 То стоять, да добрый молодецъ,
 Людскихъ басенъ прислушался.

При входѣ въ избу гости не садятся, а сначала поддружка (помощникъ дружки) наливаетъ стаканъ пива, дружка произноситъ іисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: „Взѣхали мы на вашъ княженецкій дворъ по вашему приказанію,—благословите нашего князя новображнаго и на княженецкое мѣсто сѣсть“. Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „Богъ благословить“. Затѣмъ поддружка снова наливаетъ стаканъ пива; дружка произноситъ іисусову молитву и продолжаетъ: „Просимъ покорно нашимъ конямъ задать корма: хлѣба печенаго, а нѣтъ хлѣба печенаго,—овса молоченаго; нѣтъ овса молоченаго,—сѣна кошенаго; нѣтъ сѣна кошенаго,—соломы яровой; нѣтъ соломы яровой,—ржаной; нѣтъ ржаной соломы, и такъ постоять, только просимъ приставить къ нимъ караульщика, чтобы все было сохранно въ ванемъ домѣ честномъ“. Послѣ того дружка, у котораго всегда „ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ“ и который всегда наливаетъ „въ чашу стеклянну питье медвяно“, продолжаетъ такъ ораторствовать: „А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у васъ въ избѣ висятъ занавѣски, и за этими занавѣсками сидитъ невѣстка; какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотреть: обутали она, оболочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надѣта-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее везти,—да руки-ноги не обморозить, бѣло личико не попортить“. Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полати и на тарелкѣ несетъ дѣвушкамъ стаканъ вина, при чемъ столпившейся въ избѣ дубликѣ говоритъ: „Отшатитесь (посторонитесь) желудки, пузырь ползеть; какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не поронять, красныхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубки не изорвать;

послѣ станутъ дружку бранить-ругать: экой, скажутъ, дружка, экой песъ“. Дѣвушки, при видѣ вина, говорятъ дружкѣ: „У насъ и безъ вина горько“. Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу женихову. Тотъ кладетъ на тарелку немного мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣдныя деньги, говорятъ дружкѣ: „У насъ невѣста бѣлая“. Дружка снова идетъ къ крестному отцу, который на этотъ разъ кладетъ на тарелку серебряную монету. Между тѣмъ невѣста причитаетъ своимъ подругамъ:

Не бросайтесь, милыя подруженьки,
Вы на пиво пьяное,
На матушку золоту казну.

Но дѣвушки на этотъ разъ измѣняютъ ей,—берутъ деньги, и которая побойчѣе, выпиваетъ стаканъ вина. Тогда невѣста надѣваетъ шубу, крестится и говоритъ:

Благослови меня, Господи,
Надѣть мнѣ шубу теплую.

Если-же она надѣваетъ шубу выговоренную, то замѣчаетъ:

Какъ тепла она и не угрѣчева,
Какъ не грѣеть у молодехоньки
Сердце ретивое.

Послѣ измѣны своихъ подругъ, невѣста всю надежду возлагаетъ на брата, который выводитъ ее изъ кута или изъ за перегородки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опрастываютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста причитаетъ:

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты веди-ка помалехоньку.
У меня, у молодехоньки,
Нейдутъ ноги рѣзвыя,
Со того, да со злодѣй-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною молодехонькой,
На лавку бѣлолипову,
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его подчуютъ виномъ и пивомъ, осыпаютъ разными насмѣшками, надѣваютъ бабью кичку (родъ новояника), по

онъ все это стоически переносить и сдается только тогда, когда крестный отецъ жениха дать ему выкупъ за невѣсту (не менѣе рубля). Между тѣмъ его сестра-невѣста продолжаетъ:

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стаканъ, да пива пьянаго,
За рюмочку, да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну;
Золота казна обманчива.
Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясенъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что въ это время она его и укуряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ вѣть дружкѣ—другому виновнику того, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку *)
Зазнобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой чуженецъ,
Не гроза, а доброй молодецъ;
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей, да волѣ-большинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горницѣ,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣднія слова невѣста поетъ тогда, когда женихъ беретъ

*) Въ это время дружка три раза ударяетъ жениха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

ее за руку, и свою ногу закидывает за ее ногу; въ это-же время онъ обыкновенно старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы „волю ея прижать“. Между тѣмъ невѣста снова воетъ:

Погляди, моя родимая,
 Что отъ печки отъ кирпичная,
 Отъ залавка бѣлолипова,
 Черезъ брусики лежачіе,
 Черезъ скамьи-то стоячія,
 Черезъ столики дубовые,
 Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыхъ людей,
 Черезъ скатерти все бранныя,
 Черезъ ѣствица (кушанья) сахарныя,
 Черезъ питья все медвяныя,
 На меня, да молодехоньку:
 Нарядно-ли я наряжена,
 Возлѣ ровни-ли посажена,
 Что не ровня добрый молодець,
 Не ровня, не верстанничекъ,
 Хотъ годами-то не старѣе—
 У момъ-разумомъ исправнѣе.

Послѣ этаго причитанья невѣсты, дружка произноситъ иисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери невѣсты, говорить: „Прикажите нашего князя новображнаго дарить; спасены ли у васъ дары? Если не спасены (т. е. не припасены), своимъ будемъ дарить“. Выходитъ сваха невѣсты. Дружка снова произноситъ иисусову молитву и, обращаясь къ жениху, говоритъ: „Встань, государь, на рѣзвы ноги, очисти ясны очи; въ очи я васъ вижу, погибели не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна, въ чашѣ прими для любья, выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чаши здравъ будь, государь мой; отъ великаго Николы канунъ пей, отъ пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини новображной дары получай, и княгиню новображную люби, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары не повѣщуй“ (т. е. не взыщи). Послѣ жениха дарятъ и другихъ лицъ; смотря по условію, или невѣста даритъ и

ту и другую сторону, или-же каждая сторона дарить своихъ родныхъ *). По окончаніи этой церемоніи дружка продолжаетъ: „По всей свѣтлой свѣтлицѣ, по всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодець—будь дядюшка; гвоздари, бочкари, малые ребята,—синіе пунки, кривые желудки, зелены сопли,—кто изъ васъ рѣзвый? Тотъ кушай стаканъ пива“. Рѣзвый выпиваетъ стаканъ пива. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка подаетъ его отцу невесты, который, въ свою очередь, передаетъ его тысяцкому (крестному жениха), самъ беретъ икону, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встають. Дружка въ то время произноситъ іисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: „Батюшка княгини новображной! Встань, новыступи, прими чашу для любя“ и проч.... „Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлыхъ рукахъ лелѣять; твое чадо милое съизнова перерождается, въ цвѣтное платье наряжается, горячимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ ногахъ валяется и просить у васъ чистаго благословеньца,—пройди по серединѣ пола, войди въ новыя сѣни, сойди на калиновъ мостъ, выйди на широкій дворъ, садись на добрыхъ коней, браться въ лѣвыя руки тесняныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ коней по правымъ бедрамъ, ѣхать намъ по крутымъ горамъ; ѣхать намъ горами, долами, крутыми берегами, темными лѣсами, топучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами, подѣхать намъ ко божіей церкви, взойди намъ въ божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣняться и на буйну голову златъ вънецъ надѣть и златъ крестъ поцѣловать“. Женихъ и невеста молятся въ землю и получаютъ благословеніе отъ отца невесты. За-

*) Своихъ родныхъ женихова сторона дарить обыкновенно не въ домѣ невесты, а въ домѣ жениха, когда послѣ пира пріѣдутъ отъ невесты и сядутъ ужинать или обѣдать.

тѣмъ дружка съ тою-же рѣчью обращается къ матери невѣсты, которая, въ свою очередь, также благословляетъ ихъ. Но передъ благословеніемъ родителей, невѣста не опускаетъ случая повить:

Ужъ вы дайте-ка, пріятели,
Благословенье мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпаться,
Жемчугомъ, да раскатиться.
Положите-ка, пріятели,
Что во тѣ, да во рѣзвы ноги
Ужо тотъ, да горючъ камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жениху и невѣстѣ кладутъ въ карманы по лубовицѣ и втыкаютъ въ одежду иголки—для того, чтобы ихъ не испортили. Тѣ-же предосторожности принимаютъ и всѣ поѣзжане. Послѣ благословенія жениха и невѣсты всѣ молятся и выходятъ изъ избы. Во время выхода изъ избы невѣста опять воетъ, и на этотъ разъ не совѣмъ лестно для своихъ родителей.

Вы живите-ка, пріятели,
Безъ меня, да молодехоньки,
Вы живите, богатите,
Къ вамъ на дворъ вода волеетъ,
По водѣ суда пойдутъ,
Сундукъ казны откроется;
Два солнца обогрѣютъ васъ,
Два мѣсяца свѣтить будутъ,
Выживаете, пріятели,
Какъ звѣря стараго изъ лѣса
Меня, младу, вы изъ дома.

Женихъ ведетъ невѣсту за руку на дворъ. На дворъ ее отнимаютъ отъ него подруги, будто-бы для перевязки. Дружка идетъ выручать невѣсту, но отходить отъ дѣвушекъ съ носомъ.

Тогда онъ беретъ съ собой жениха. Женихъ даетъ имъ за нее деньги, и они выдаютъ ему невесту, заставивъ напередъ назвать ее по имени и отчеству. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Но и здѣсь дѣвушки не даютъ ему покоя. Они вѣлически стараются помѣшать ему усадить свою невесту и хватаютъ ее за одежду, за руки, за ноги и проч., и если женихъ оказывается при этомъ малосильнымъ, то смѣются надъ нимъ. Между тѣмъ дружка въ это время съ хлѣбомъ, солью и мѣднымъ распятемъ три раза обходитъ вокругъ поѣзда, отталкивая постороннихъ зрителей въ сторону. Затѣмъ поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отѣхавъ небольшое пространство, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ къ невестину отцу. За нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ лица жениха приглашаетъ отца, мать и прочихъ родныхъ съ невестиной стороны въ гости къ жениху. Приглашеніе свое онъ выражаетъ такъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне божій, помилуй насъ (крестится). Батюшка княгини новображной! Встань на рѣзвы ноги, открой свои ясны очи и проч.... Просить нашъ князь новображный къ себѣ въ гости. И просить васъ покорно собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро пріѣзжайте“. Послѣ этого приглашенія дружка проситъ позволенія взять чегонибудь на угощеніе караульнаго или привратника. Ему даютъ стаканъ водки и на закуску кусокъ говядины, что онъ и передаетъ привратнику. Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и присоединяется къ поѣзду. Этого приглашенія впрочемъ не бываетъ, если поѣздъ изъ церкви опять пріѣдетъ въ домъ невесты. Самый поѣздъ пролечитъ въ такомъ порядкѣ. Впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ невеста со свахой и братомъ-ямщикомъ, а за невестою весь поѣздъ. При выѣздѣ изъ деревни, мужики загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ весь поѣздъ только тогда, когда имъ дадутъ водки. Дорогою невестинъ братъ или въ сторону куданибудь своротитъ или вывалитъ невесту въ снѣгъ. Дружка каждый разъ обязанъ

къ нему подѣхать и угостить его виномъ, при чемъ весь поѣздъ останавливается. Дорогою невѣста воетъ:

Ты гори-ка, горько золото,
По моей, да буйной головѣ,
Ты конецъ, да русой косынки;
Ты вой-ка воля-большина
По конецъ моихъ бѣлыхъ рукъ.

Подѣзжая къ церкви, продолжаетъ:

Подѣзжаю, молодехонька
Что ко той божьей церкви,
Что во той, во божьей церкви,
Знать принять мнѣ, молодехонькѣ,
Батюшку золотой вѣнецъ.
Ужо встать мнѣ, молодехонькѣ,
На одно-то на подножьце;
Ужо возьметъ чужой чуженецъ
Всю съ меня, да волю-большину,
Что при тѣхъ, да при добрыхъ людяхъ,
При попахъ, да при священникахъ,
При дьякахъ, да поученыхъ.
Знать, разстаться молодехонькѣ
Со матушкой, да волей-большинной,
Со матушкой, да дѣвьею красотой;
Поступить, да молодехонькѣ,
Ко чужому отцу-матери;
Нужно будетъ, молодехонькѣ,
Уважать мнѣ тамъ, да всякому,
Всякому—и старому, и малому.

Подѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботится о томъ, чтобы первому встать на подножье—для того, чтобы „верхъ взять“ и ихъ послѣдность иногда бываетъ довольно курьезна. Послѣ вѣнчанія свахи „окручиваютъ“ невѣсту или въ самой церкви или въ церковной караулкѣ. Округиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову „сороку“ (повойникъ),—въ знакъ того, что она стала уже бабою. Затѣмъ женихъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собой въ са-

ни и поѣздъ ѣдетъ домой въ томъ-же порядкѣ *). Дорогою невѣста снова воетъ или причитаетъ:

Ужо та, да бабья красота
По подлавочью валялась,
И мнѣ, молодой, доставалась.
Ужъ я ѣду, молодехонька,
Тѣмъ, да полемъ чистымъ,
Что ко тѣмъ моимъ пріятелямъ,
Ко чужому отцу-матери,
Ужо къ ихъ, да къ широку двору.
Ты послушай, чужой чуженецъ,
Какъ сказалъ ты, добрый молодецъ,
Ваша та, да бѣла горница
Вся цвѣтами изукрашена.
Какъ подѣхала младехонька, —
Ваша та, да бѣла горница
Злодѣй-горемъ изусыпана.
Вы встрѣчайте-ка, пріатели,
Того гостейка бывалаго,
Меня гостю не бывалую;
Не погнѣвайтесь, пріатели,
Что не ладно съ горя свылося,
Во печалюшкѣ сказалося.
Я сама, да знаю, вѣдаю,
Гладко баютъ, — лихо думаютъ,
Мягко стелятъ, жестко спать живетъ,
Гладокъ полъ, — да шиповать ходить.
Какъ встаю я, молодехонька,
По утру-то и ранехонько;
Умываюсь, молодехонька,
Своимъ, да горячимъ слезамъ.
И спрошу я васъ, пріатели,
На какую, молодехонькѣ,
Мнѣ идти, да на работушку,

*) При выходѣ изъ церкви жениха и невѣсты свахи особенно зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы между ними кто либо изъ постороннихъ лицъ не прошель, — иначе-де новобрачные будутъ жить несчастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, тогда выстригаютъ на лбу у кошки и собаки немного шерсти, запекаютъ эту шерсть въ лепешки и при случаѣ даютъ имъ съѣсть: они-де послѣ того будутъ жить, какъ кошка съ собакой.

На работушку разовую.
Вы сважите-ка, пріатели,
Своему-то сыну милому,
Чтобы съвздилъ, разнадеженъба,
По моихъ-то онъ пріателей.
Знать у васъ, мои пріатели,
Богоданный сударь-батюшка,
Богоданная моя матушка,
Приключилась, молодехонькѣ,
Мнѣ тоска, да несусвѣтная.
Ужъ я вышла, молодехонька,
На широкую, на улицу,
Все глядѣла, молодехонька,
Во то, да во чисто поле,
На родимую сторонушку.
Ужо ѣдутъ, знать, пріатели,
Родной батюшка со матушкой.
Не могла я слова вымолвить,
Залилася горючимъ слезамъ.
На меня, на молодехоньку,
Что при встрѣчѣ съ роднымъ батюшкой
И при видѣ родной матушки
Залилася горючимъ слезамъ
И ни слова не промолвила.

Эту пѣсню молодая воетъ во всю дорогу, если домъ жениха недалеко отъ церкви, а если далеко, то проѣзжая только села и встрѣчающіяся на пути деревни. Впрочемъ она поетъ эту пѣсню только въ такомъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви прямо ѣдетъ въ домъ жениха. Но такіе случаи бывають. весьма рѣдко, а изъ церкви весь поѣздъ обыкновенно ѣдетъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая воетъ:

Вы встрѣчайте-ка, пріатели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молплась.
Не спасибо вамъ, пріатели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимою, со матушкой,
Дали вы мнѣ сваху ненадежну,

Устыдила, обезчестила
При полахъ, да при священникахъ,
При дякахъ, да при ученыхъ,
Что сняла да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: „Нѣтъ-ли у тебя, свать, другой избы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери: нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшей бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и свихинъ повозникъ и лагунникъ (ѣдущій позади всѣхъ за поѣздомъ), да и я, дружка, съ поддрузьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпоньки-поварихоньки, поворачивайтесь, пошевеливайтесь, въ правой-то сторонѣ кочергой загребайте, а въ лѣвой-то помеломъ заматайте,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забывайте. (Обращаясь къ отцу невѣсты): у нашего Владимірушки нѣту солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, перепалилась капусташка, засѣла костычка“. Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородку; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебаютъ одно кушанье, дружка говоритъ: „Повары-яворы, перемѣняйте яства сахарны“. Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвухи подаютъ свой изукрашенный лентами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпку: „Стряпонька-поварихонька, сама-ли ты нарушишь (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?“ — „Не мое дѣло, отвѣчаетъ стряпка, спросите о томъ дѣвокъ“. Дружка обращается къ дѣвушкамъ. Тѣ дозволяютъ свою ѣствицу нарушить, но просятъ „краешки озолотить, а середочку осеребрить“. Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ отъ 20 до 50 и болѣе копеекъ. Затѣмъ дружка приступаетъ къ срѣзыванію верхней корки пирога, при чемъ онъ долженъ остерегаться не уронить на столъ ни одного бантика,—иначе за свою неловкость дѣвухи на него накинутся, надѣнутъ бичку и сильно сконфузятъ. Когда гости немного поѣдятъ начинки этаго пирога, дружка опять накладываетъ на не-

го верхнюю корку и передаетъ стряпкѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвушки, а лучинки съ бантиками уносятъ съ собой домой и хранятъ до чьей либо новой свадьбы. Послѣ разукрашеннаго пирога стряпка подаетъ простой пирогъ, не помазанный масломъ и ничѣмъ не начиненный. Подача его на столъ означаетъ окончаніе обѣда. Всѣ встаютъ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль въ „заѣжемъ дѣлѣ“. Послѣ обѣда молодыхъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка (за обѣдомъ вина не пьютъ). Попойка продолжается до самой ночи, часовъ пять. Въ это же время подруги невѣсты катаются по деревнѣ на тѣхъ разбанченныхъ лошадяхъ, на которыхъ женихъ и невѣста ѣздили въ церковь вѣнчаться. Напировавшись вдоволь, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: „Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина; (обращаясь къ отцу молодой): ну, сватушка, теперь время ночное; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ“. Свать собираетъ провожатыхъ, своихъ сродниковъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъ-же порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади сродниковъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ иконой. Всѣ входятъ въ избу. Дружка творитъ іисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ: „О чемъ вы намъ кучились (просили), о чемъ клянялись, то мы устроили и обдѣляли; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвицей, а мы привезли вамъ молодицу“. Ему отвѣчаютъ: „Покорнѣйше благодаримъ“. Затѣмъ, по приглашенію хозяевъ, всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ сундукъ съ дарами, дружка наливаетъ пива и вина, выкликаетъ кого сначала слѣдуетъ дарить и подходитъ къ свахѣ съ тарелкой. Та кладетъ ему на эту тарелку даръ указанному лицу, которому дружка и передаетъ этотъ даръ. Но прежде передачи даруемый выпиваетъ пива и вина и затѣмъ уже полученнымъ даромъ вытираетъ свои губы. Послѣ перваго лица дарятъ второе, третье и т. д. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за ужинъ, за которымъ пьютъ и водку. Послѣ ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнякъ спать. Званные гости остаются ночевать въ домѣ молодого, причѣмъ

ихъ шумный говоръ и веселыя пѣсни слышатся далеко за полночь. Утромъ снова начинается попойка, которая продолжается цѣлый день; а молодой въ это время ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тестя и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ своей жены съ имуществомъ и вмѣстѣ съ тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ тотъ день бываетъ такъ-называемый красный столъ, за которымъ проеиходитъ „поцѣлуй“. Столъ ставятъ среди избы. Впередъ; возлѣ тѣбла, сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ—отца и мать молодой. Возлѣ нихъ садятся по лавкамъ всѣ поѣзжане. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и наливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ, — причеъ иногда свекоръ говоритъ: „горько“ и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и даетъ ей денегъ, которые кладетъ въ блюдо, находящееся на столѣ. Если свекоръ богатый, то даетъ 10—20 р., а если бѣдный, то 1—3 рубля. Послѣ свекра молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей это пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или кички. Затѣмъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который тоже даритъ ей денегъ, сколько доведется. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и наконецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ. Всѣмъ она кланяется, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда эта процедура повторяется до трехъ разъ, и молодая собираетъ денегъ отъ 30 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Деньги эти поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ всего этого начинается опять пировня, которая иногда продолжается дня два и болѣе. Наконецъ всѣ гости разъѣзжаются и крестьянская жизнь пойдетъ обыденнымъ порядкомъ.

Свадьбы здѣсь большею частью играютъ зимой предъ масляницей. Лѣтомъ не до свадьбы, а осенью, когда всего лучше

было-бы их играть—по изобилію хлѣба и баранины, придерживаются того предразсудка, что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: „вы и женились въ *овечій мясоѣдъ*“ *), говорятъ имъ,—отъ того здѣсь свадьбы осенью и весьма рѣдки. Послѣ свадьбы на масляницѣ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ явиться на базаръ въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія ковриги и прочія сладости, которыя и передаетъ имъ въ то время, когда пріѣдетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время придетъ для себя ленъ. Собираясь въ гости къ своимъ роднымъ, она всегда приглашаетъ всѣхъ новыхъ сродницъ, и замужнихъ и дѣвицъ, къ своей матери, въ гости, въ сборное воскресенье, въ которое всѣ они и являются туда. А въ фомино воскресенье малые ребяташки приходятъ въ ту избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. обвѣнчавшіеся въ томъ году), и говорятъ:

Молодая молодца,

Подавай наши яйца;

Не отдашь яйца,

Уведемъ молодца,—

Въ хлѣвъ запремъ,

Помеломъ заткнемъ,

Да не выпустимъ.

Молодая раздаетъ имъ всѣмъ пряники, чѣмъ они остаются очень довольны и затѣмъ уходятъ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ деревняхъ даже мужики приходятъ къ молодой съ такою угрозою, и ихъ обыкновенно она угощаетъ водкой, чѣмъ тоже они остаются весьма довольны. Наконецъ въ петровъ день (29 іюня), или наканунѣ его, зять отправляется съ своей женой къ ея родителямъ въ гости, и теща, или мать жены его, даритъ имъ въ это время деревянную чашку съ приготовленнымъ въ ней сы-

*) Лучшимъ временемъ для случки овецъ дѣйствительно считается октябрь и ноябрь мѣсяцы.

ромъ, двѣ ложки, солоницу и иногда — молотило, грабли и косу. Этимъ дареніемъ и завершаются всѣ обязательные для той и другой стороны свадебные обычаи.

Но мой очеркъ далеко былъ-бы не полонъ, если-бы я не коснулся въ немъ еще такъ-называемыхъ „воровскихъ свадебъ“ *).

Воровскія свадьбы преимущественно устраиваютъ бѣдные крестьяне. Бѣдному родителю жениха негдѣ взять денегъ за „выговоръ“ невесты и на свадьбу, и вотъ онъ предлагаетъ своему сыну самому отыскать себѣ невесту. Сынъ начинаетъ рыскать по „бесѣдкамъ“ и находить. Иногда находить скоро, а иногда очень долго странствуетъ изъ деревни въ деревню. Если онъ принадлежитъ къ порядочному дому и красивъ собою, то скорѣе находитъ себѣ невесту, а если черезъ чуръ бѣденъ и особенно не взраченъ на видъ, то не скоро поймаешь ее. Изъ двѣухекъ преимущественно тѣ соглашаются „по-воровски“ обвиняться, которымъ хочется скорѣе „прикрыть свою голову“, и родители которыхъ изъ за собственныхъ выгодъ удерживаютъ ихъ, какъ рабочую силу, у себя въ домѣ, хотя имъ уже иногда бываетъ далеко за двадцать. Взявъ съ своей невесты слово гдѣ нибудь на базарѣ

*) По-семеновски: свадьбы самокрутки, свадьбы уходомъ, уводомъ, убѣгомъ. Воровскія свадьбы макарьевскаго Ветлужья, описываемыя авторомъ, впрочемъ во многомъ разнятся отъ семеновскихъ самокрутокъ, какъ это можно видѣть изъ сравненія его описанія съ статьей священника А. В. Кордатова «Самокрутка» («Ниж. Сборникъ», томъ III, стр. 139—149),—вотъ, между прочимъ, оправданіе нашего мнѣнія о необходимости такъ-сказать примѣненія микроскопа къ этнографическимъ изслѣдованіямъ (стр. IX предисловія къ V тому «Ниж. Сборника») и высказываемыхъ и авторомъ настоящей статьи, въ началѣ ея, положеній, подтверждающихъ выбранный имъ эпиграфъ: «что ни городъ, то норовъ».... Кетати здѣсь замѣтить, что воровскія свадьбы также въ употребленіи и у азіатскихъ народовъ; у алтайскихъ племенъ—черневыхъ татаръ и телеутовъ (см. статью князя Н. А. Кострова. «Женщина у инородцевъ томской губерніи» въ «Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири», изд. Б. А. Милютинимъ), у кавказскихъ племенъ (см. «Обычное право», Е. И. Якушкина, №№ 1294, 1302, 1304 и 1340), въ олонецкой губерніи (см. «Олонецкій Сборникъ» изд. олон. стат. комитетомъ, подъ ред. А. И. Иванова, статья г. Соколова). Въ видѣ нѣкотораго подобія самокрутокъ начинаетъ входить въ обычай и у такъ-называемыхъ высшихъ слоевъ нижегородскаго общества, стремленіе все чаще и чаще устраивать свадьбы по возможности въ тихомолку, безъ званныхъ гостей, для чего женихъ и невеста вѣнчаются или безъ предварительнаго объявленія дня свадьбы, или даже уѣзжаютъ съ этой цѣлью изъ города, гдѣ живутъ, и гдѣ имѣютъ слѣдовательно много знакомыхъ, въ ближайшее село, или въ Москву.—Ред.

или въ „бесѣдкѣ“ на дворѣ, — причѣмъ всегда въ залогъ любви и брачной жизни, кромѣ поцѣлуевъ, они еще обмѣниваются своими крестами, женихъ съ торжествующей физиономіей идетъ къ своему отцу и сообщаетъ ему радостную вѣсть, что онъ нашолъ невѣсту. Отецъ ѣдетъ къ попу спросить: можно-ли устроить такой бракъ. Попъ сначала „поломается“, но въ концѣ концовъ всегда соглашается, когда крестьянинъ выложитъ ему на столъ „красненькую“, и поставитъ штофъ водки. Назначается день свадьбы, о чемъ сообщается и невѣстѣ. Все это дѣлается секретно. Ночью, наканунѣ брака, дядя или старшій братъ жениха запрягаетъ пару лошадей и ѣдетъ съ женихомъ вѣт у деревню, въ которой живетъ невѣста. Дядя остается въ саняхъ возлѣ деревни, а женихъ идетъ къ невѣстѣ или къ ея теткѣ, при помощи которой дѣло устроилось. Тетка подходит къ окну той избышки, въ которой находится „бесѣдка“ и зоветъ свою племянницу домой. Та тотчасъ собирается. Дѣвушки ничего не подозрѣваютъ и продолжаютъ веселиться и распѣвать свои пѣсни. Между тѣмъ въ это время позади дворовъ по сугробамъ быстро идутъ три тѣни, изъ которыхъ у одной въ рукахъ „куфтырь“ или узелъ съ одеждой. Эти три тѣни достигаютъ саней и во весь опоръ мчатся въ село вѣнчаться. Въ большинствѣ случаевъ влюбленнымъ или, вѣрнѣе сказать, сговорившимся, удается повѣнчаться до погони, а иногда они не успѣваютъ, и тогда происходитъ не мало курьезовъ и скандаловъ. Первымъ долгомъ отецъ бѣглежки заявляется къ попу и требуетъ, чтобы онъ не вѣнчалъ его дочь, иначе онъ завтра-же поѣдетъ на него жаловаться „анхирею“. Попъ начинаетъ уговаривать его. Тотъ въ порывѣ гнѣва называетъ его „клокотымъ“ (косматымъ) и идетъ по селу отыскивать свою дочь *).

*) Надобно замѣтить, что духовенство Ветлужскаго Края макарьевскаго уѣзда не пользуется въ средѣ своихъ прихожанъ должнымъ уваженіемъ. Причинъ этому много; главные изъ нихъ: по наклонности къ расколу и приверженности къ старымъ обрядамъ замѣтная холодность къ православной вѣрѣ со стороны самихъ прихожанъ; часто бездушное и небрежное исполненіе священниками своихъ пастырскихъ обязанностей, какъ въ церкви, такъ и въ приходѣ; ихъ грубое обращеніе съ своими прихожанами; ихъ чрезмѣрная притязательность, — особенно при свадьбахъ и похоронахъ; ихъ клеветничество между собою и съ прихожанами; ихъ нетрез-

Иногда онъ ее находитъ, и въ такомъ случаѣ даетъ ей потасовку, если родные со стороны жениха не защитятъ ее; дочь его обыкновенно при этомъ говоритъ: „Хоть зарѣжь, батюшка, а не поѣду не обвѣнчанная домой; а если силой увезешь, то или утоплюсь или удавлюсь“. Отцу послѣ такого протеста остается только покориться и войти въ какую нибудь сдѣлку съ новымъ непрощеннымъ сватомъ, или плюнуть и уѣхать домой. Въ большинствѣ случаевъ онъ впрочемъ не находитъ своей бѣглянки, и тогда съ другими своими родственниками сидитъ, въ церковной караулкѣ, или возлѣ самыхъ церковныхъ дверей, и дожидается того времени, когда приведутъ ее въ церковь. Но вотъ тутъ-то „красенькая“ и выручаетъ бѣглецъ. Изобрѣтательные причетники всѣми силами стараются провести въ церковь невѣсту. А если имъ это никакъ не удастся, то прибѣгаютъ къ хитрости: или проводятъ ее въ боковыя двери, которыя зимой ни для кого не открываются, или одинъ изъ нихъ, въ глазахъ родителей невѣсты, беретъ ключи отъ напольной церкви—какъ будто для вѣнчанія—и, когда родители убѣгутъ къ напольной церкви, спѣшатъ обвѣнчать ихъ дочь въ главной церкви. А однажды, рассказываютъ, былъ такой случай. Зорко слѣдили родители за невѣстой и не было никакой возможности провести ее въ церковь; между тѣмъ былъ послѣдній день мясоѣда, въ который можно было вѣнчать. Тогда одинъ изъ дячковъ, одинаковаго роста съ невѣстой, нарядилъ ее въ свой тулупъ, надѣлъ свою шапку поповскую и отправилъ ее въ церковь, а самъ остался дома. Этотъ костюмированный дячокъ бойко прошелъ въ глазахъ своихъ родителей въ церковь, гдѣ тотчасъ-же былъ снятъ тулупъ, и началось вѣнчаніе.... Послѣ вѣнчанія всѣ вышли изъ церкви и предложили родителямъ, подкарауливавшимъ свою дочь у церкви, поздравить своихъ дѣтей съ законнымъ бракомъ. Тѣ только рука-

вость,—особенно при крестинахъ, молебствіяхъ и крестохожденіяхъ, ихъ скудное матеріальное положеніе и зависимость отъ прихожанъ—отъ клякса шерсти и до ложки сметаны или масла, и проч. и проч. Все это можетъ только унижать, а не возвышать духовенство, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже дѣти духовные иногда позволяютъ себѣ ругать своего духовнаго отца не только за глаза, но и въ глаза.

ми развели, и хотя мать не удержалась, чтобы не потрепать „молодую за хохоль“, но въ тотъ-же вечеръ сватья помирились и не мало хохотали надъ находчивостью дьячка.

Всѣ эти воровскія свадьбы почти постоянно и оканчиваются мировой сдѣлкой. И я не зналъ ни одного случая, когда-бы родители невѣсты жаловались на священника, обвинявшаго ихъ дочь безъ ихъ дозволенія. Въ этомъ случаѣ они руководствуются тѣмъ доводомъ, что „хоть жалуйся, не жалуйся, а ужъ теперь самъ царь не развѣнчаетъ; зачѣмъ-же и жаловаться“. Послѣ вѣнчания, на другой-же день, молодые обыкновенно ѣдутъ къ родителямъ невѣсты, валяются у нихъ въ ногахъ и почти всегда получаютъ прощеніе; рѣдкій отецъ не проститъ, особенно, когда молодой зять вытащить изъ саней полведерный боченокъ вина. Другой отецъ впрочемъ поупрямится, такъ что раза два и три придется къ нему съѣздить на поклонъ, и въ концѣ концовъ все таки проститъ и благословитъ своихъ дѣтей, при чемъ выдастъ дочери и все приданое, заключающееся въ разной одеждѣ.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаю нужнымъ сказать еще слова два о статистикѣ браковъ по Ветлужскому Краю макарьевскаго уѣзда. Общее число браковъ въ этомъ краѣ ежегодно бываетъ отъ 350 до 400. По народонаселенію Ветлужскаго Края (36.000 чел. обоого пола) процентъ этотъ далеко не значителенъ. Причина—бѣдность крестьянъ и дороговизна свадьбы. Самая бѣдная свадьба обходится крестьянину не менѣе 50 рублей. Другой-бы отецъ и женилъ своего сына, да какъ вспомнить, во что обойдется ему свадьба, и зачешетъ затылокъ.... Большее число свадебъ приходится на февраль, который ко всѣмъ остальнымъ мѣсяцамъ относится какъ 3 : 2. Самое меньшее число браковъ бываетъ въ августѣ: отъ 1 до 5 браковъ на весь край. Самое большее число браковъ въ послѣднее десятилѣтіе, сколько мнѣ помнится, было въ 1865 и 1871 годахъ. И это увеличеніе браковъ въ тотъ и другой разъ зависѣло не отъ естественныхъ, а отъ особенныхъ причинъ. Въ первомъ случаѣ какіе-то злоумышленники распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хочетъ отослать въ Польшу, къ полякамъ, во второмъ—едва-ли

не пьяные волостные писаря, не понявшіе какого либо распоряженія правительства или какой либо газетной статьи, распустили слухъ, что всёхъ дѣвокъ правительство хочетъ собрать и отправить въ Москву, учиться акушерству. Въ этомъ году очень многіе родители обращались ко мнѣ за разрѣшеніемъ этаго недоразумѣнія, и мнѣ большого труда стоило разубѣдить ихъ, что этотъ слухъ ложенъ. Больше число браковъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, бываетъ между холостыми и дѣвками. Къ общему числу всёхъ браковъ, браки между холостыми и дѣвками относятся какъ 4 : 1. Браковъ холостыхъ со вдовами, вдовыхъ съ дѣвками и вдовыхъ со вдовами бываетъ самый незначительный процентъ. Больше число браковъ заключается моложе 20 лѣтъ, именно: эти лѣта относятся къ остальнымъ лѣтамъ почти какъ 1 : 1. — Съ наступленіемъ всеобщей воинской повинности число это, по всей вѣроятности, измѣнится и большее число браковъ будетъ заключаться между 21—25 годами. Старше 65 лѣтъ не женятся и не выходятъ за-мужъ. Въ эти годы старухи обыкновенно уже даютъ обѣтъ не ѣсть говядины и стараются уклоняться даже отъ своихъ законныхъ мужей-стариковъ; но старики все-таки продолжаютъ льнуть къ своимъ старухамъ. Природа беретъ свое и „живой о живомъ и думаетъ“.

М. М. Послѣловъ.
